

№ 8 (август) 2015г.

Как богатые страны стали богатыми...

Бахытжан Ауельбеков

Часть I

Мировая экономическая система в наши дни находится в крайне неустойчивом состоянии. Это известно каждому, кто внимательно следит за развитием экономических процессов на планете. Непонятно, как будут дальше складываться отношения между странами Европейского союза, и вообще, жизнеспособен ли он? Также туманны перспективы США, Японии, других стран, да и всей планеты. В такой ситуации было бы естественно поинтересоваться: что нам говорит по поводу трудностей, подобных сегодняшним, экономическая теория? Многие удивятся, но она ничего не говорит. Тут возникает новый вопрос: а что же тогда делать, если даже теория не может посоветовать ничего вразумительного? Вопрос повисает в воздухе.

Невозможно прогнозировать поведение физических или химических процессов, не вооружившись соответствующей теорией. Так везде, и не только в физике, химии или термодинамике, но и в любой другой отрасли знаний. То же самое и в экономике. Для того чтобы прогнозировать ее поведение, мы должны внимательно изучить ее с точки зрения западной экономической теории. Почему именно западной? Потому что никакой другой теории на сегодняшний день просто нет. Это – парадокс, если не сказать абсурд. На свете существует не только западная экономика, но есть и другие, некоторые из них достаточно успешны. Так, например, китайская экономика сегодня выходит на первое место в мире, но, тем не менее, по своим основополагающим характеристикам она не имеет ничего общего с экономикой стран Запада или имеет очень мало. Можно привести и другие примеры. Тем не менее, факт остается фактом: хотя экономические системы в мире существуют разные, на сегодняшний день экономическая теория только одна – западная, которая всегда изучала только западную экономику, игнорируя и даже не допуская возможность существования экономических систем, радикально отличающейся от нее.

Заметим, что, конечно, и сама западная экономическая теория не представляет собой некоего единого и законченного целого. Это не одна, а целый комплекс различных теорий, нередко противоречащих друг другу. Но в целом, все они изучают только западную экономику, и поэтому составляют единое, хотя и противоречивое, целое. И для того чтобы избежать излишней детализации, мы будем употреблять выражение «западная экономическая теория» или, еще проще, «западная теория».

Экономисты всего мира сегодня задумчиво качают головой: что-то у этой теории не все с реальностью сходится. Между прочим, это очень опасно – пользоваться в реальной политике знанием, не соответствующим этой реальности. Так можно в два счета ввергнуть любую страну, да и весь мир, в тяжелейший кризис, а то и в катастрофу. Знание должно соответствовать реальности или, по крайней мере, быть максимально приближенным к ней. Только в этом случае мы можем более или менее уверенно ориентироваться в существующих проблемах. Но соответствует ли нашей сегодняшней реальности имеющееся в наших руках экономическое знание (западная экономическая теория)? В этом есть большие сомнения.

То что в западной экономической теории далеко не все в порядке – заметили (прежде всего, на самом Западе) давно. Так, еще в 1980 году всемирно известный американский футуролог Элвин Тоффлер в своей нашумевшей книге «Третья волна» писал: «С конца

Второй мировой войны и до начала 70-х годов корпорации функционировали в сравнительно стабильной атмосфере. «Прирост» был ключевым словом. Доллар был королем. Валюты оставались стабильными на протяжении длительных периодов. Послевоенные финансовые структуры, основанные на бреттон-вудских соглашениях капиталистических индустриальных правительств, казались незыблемыми. Экономисты настолько доверяли собственным возможностям контроля экономического механизма и предсказаниям его развития, что небрежно говорили: он «просто и легко настраивается».

Сейчас эта фраза вызывает только насмешливую ухмылку. Бывший министр финансов США Майкл Блументаль говорит, что «экономисты близки к банкротству в понимании сложившейся ситуации, как до, так и после свершившегося факта». Стоя на груде осколков крушения экономической теории и руинах послевоенной экономической инфраструктуры, генераторы идей в корпорациях проявляют все большую и большую неуверенность».

Многие, наверное, не знают, но на Западе существуют целые направления экономической мысли, представители которых считают, что западная экономическая теория просто обанкротилась, и они напряженно ищут пути выхода из той экономической трясины, в которую (это совершенно очевидно для любого серьезного исследователя) все глубже погружается вся экономика планеты. Российский экономист, д. э. н. Борис Ключников, который четверть века проработал в системе ООН и в качестве эксперта участвовал в анализе развития экономик 45-ти стран мира, пишет: «К чести американской интеллигенции, именно в США, в некоторых американских и канадских университетах все еще бьется пульс творческой мысли, ведется поиск альтернативных путей... Идет поиск альтернативных путей развития, иных форм хозяйствования. Много путаницы, много заблуждений и ошибок, но поиск идет, и идет очень интенсивно. Многие годы ученые не могли вырваться за рамки теории того типа развития, в основе которого лежат экономический рост и рыночное мышление. Не могли, потому что развитие олицетворяет сам прогресс. Каких только видоизменений парадигмы развития не было предложено. Назову лишь некоторые из них. Это интеграционное развитие, холистическое развитие, развитие с опорой на собственные силы, аутентичное развитие, развитие, нацеленное на совершенствование человека, гуманистическое развитие, развитие с человеческим лицом, развитие местных общин или микроразвитие, этноразвитие и т. д. Вплоть до последней вариации – устойчивого развития».

«Экономисты заинтересованы в развитии. Беда в том, что даже по своим собственным стандартам они чудовищно невежественны во всем, что его касается. Глубина этого невежества долгое время была их строжайшим секретом» (The Economist. 2002. 4 января).

А вот мнение известного историка экономической науки Марка Блауга:

«Современная экономическая наука больна. Она все больше становится интеллектуальной игрой просто ради игры, а не ради практического применения. Экономисты превратили свой предмет в некую разновидность социальной математики, в которой математическая точность – это все, а эмпирическая релевантность – ничто. Если какая-либо тема не укладывается в формальную модель, она просто приговорена к периферийному существованию» (Blaug Mark. The Problem with Formalism: An Interview with Mark Blaug//Challenge. 1998. May/June).

Даже знаменитый финансист, миллиардер Джордж Сорос заявляет: «Неолиберальная теория еще господствует. Надеюсь, что ее пороки будут вовремя признаны, пока она не привела к какой-либо глобальной катастрофе» (New Statesman. 31 October 1997, p. 26).

Но что же произошло с западной теорией, что в ней перестало устраивать западных исследователей? А произошло с ней именно то, что и должно было произойти: она попросту устарела.

Не все знают, но вся современная экономическая наука (фактически, именно западная экономическая наука, за отсутствием других) находится в глубочайшем застое. У нас же западные теории, описывающие совсем другую реальность и к тому же сильно

устаревшие, воспринимаются как самое последнее достижение науки. Да что уж тут говорить, если самым популярным учебником экономики на Западе до сих пор остается учебник Пола Сэмюэльсона. А все последующие западные экономические учебники, по существу – всего лишь различные его модификации, принципиально от него не отличающиеся. Так ведь у того учебника уже весьма почтенный возраст, первое его издание вышло еще в 1946 году. (Потом были и другие издания, несколько подкорректированные.) А за истекшие десятилетия и мировая, и западная экономика изменились так, что никакому Сэмюэльсону и не снилось. Иначе говоря, «современные» западные теоретические воззрения на экономику рассматривают ту реальность, которая давно ушла в прошлое, сегодня не существует и уже никогда не повторится. Ее просто нет. Ну и чем же нам руководствоваться в путешествии по бурным экономическим водам, какой лодией? Ответить на этот вопрос пока что затруднительно, но надо по крайней мере ознакомиться, с тем, что думают исследователи, находящиеся на переднем крае экономической науки. А то, что они думают, вызывает тревогу.

Одним из наиболее интересных исследователей, занимающихся проблемами современной экономической теории, изучением ее соответствия реальности, является видный норвежский экономист Эрик Райнерт. Его книга «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными» получила большую известность среди специалистов в сфере экономики, но, к сожалению, широкой публике она почти неизвестна.

О чем же пишет Райнерт? Как мы указали, сейчас для любого серьезного исследователя понятно, что западная теория описывает «дела давно минувших дней» и для сегодняшней реальности уже не годится. Так вот, Эрик Райнерт утверждает, что западная экономическая теория реальности не соответствовала вообще никогда! А не развалилась мировая экономика только потому, что на эту теорию никто никогда не обращал внимания. Утверждение смелое, но основания для него есть.

Заметим, что хотя, как известно, на Западе существует свобода слова, но методы, как заткнуть рот людям, выражающим взгляды, не соответствующие одобренным истеблишментом, там тоже есть, и они хорошо отработаны. Райнерт и сам пишет об этом. Он вспоминает, как проходила защита его докторской диссертации: «Она (диссертация) так и не была опубликована. Перед тем как я должен был защищаться в Корнельском университете (США) в апреле 1980 года, председатель комиссии в типично американской манере поведал мне две новости: хорошую и плохую. Хорошая заключалась в том, что я внес важный и оригинальный вклад в экономическую науку. Плохая – в том, что, по его мнению, мне никогда не получить место преподавателя экономики в университете: мое мнение несовместимо с принятым в академических кругах. Впрочем, при наличии степени магистра делового администрирования из Гарварда, справедливо отметил председатель, мне и без этого удастся заработать себе на жизнь. Моя диссертация была принята издательством Норвежского университета (Universitetsforlaget) в 1980 году с условием, что я смягчу критику экономической науки. Я критиковал отдельные идеи Давида Рикардо, одинаково «любимые» как правыми, так и левыми политиками. Любая идея, произошедшая не от теории Давида Рикардо, вычеркивалась как не принадлежащая к мейнстримовой экономике. Я почувствовал, что сыт экономической наукой, отказался что бы то ни было менять и следующие 11 лет занимался бизнесом, а также коллекционировал книги, авторы которых, давно забытые экономисты, разделяли мои не-рикардианские убеждения».

Как видим, важный вклад Райнерта в науку признали, докторскую степень ему присвоили... и тут же вручили «волчий билет», в результате чего ученый был вынужден сделать перерыв в своих изысканиях на долгие одиннадцать лет. Не 37-й год, конечно, но все же... Сейчас, однако, понятно, что экономисты, умеющие всего лишь излагать шаблонные схемы, не пригодны для поиска путей решения проблем современной экономики, поэтому личность Эрика Райнерта и таких, как Райнерт, привлекает к себе все

большее внимание. Норвежский исследователь утверждает следующее: «Сегодня многие лидеры экономической ортодоксии находятся в плену чудовищного оптимизма и нуждаются в освобождении от него. Сегодняшняя экономическая теория строится сверху вниз на основании произвольно выбранных предпосылок и метафор из астрономии и физики. Эта теория описывает гармоничную Вселенную, сшитую точно по мерке правящей теоретической моды. Альтернативная теория, которую некоторые из нас пытаются возродить, напротив, строится снизу вверх на основании наблюдений за реальностью, зачастую равнодушной к экономическому развитию. Вместо того чтобы пытаться устранить препятствия на пути к процветанию, необходимо смотреть на развитие объективно – как на следствие сознательной и решительной политики... Отличительная черта господствующей логики в том, что все происходящее она объясняет вопреки здравому смыслу».

Эрик Райнерт в своей книге рассказывает такую любопытную историю. В середине 1950-х годов вооруженный статистическими данными по экономике Америки с 1870 по 1950 год известный американский экономист Мозес Абрамовиц решил измерить, какую часть экономического роста можно объяснить факторами, которые традиционно считались ответственными за этот рост, – капиталом и трудом. К своему изумлению, он обнаружил, что эти факторы могут объяснить только 15% роста, зафиксированного за временной период длиной 80 лет. Традиционные факторы экономического роста оставляли необъясненной «погрешность» в размере 85% – «показатель уровня нашего невежества», как назвал его сам Абрамовиц.

Другие экономисты, среди которых был Роберт М. Солоу, впоследствии получивший Нобелевскую премию, приняли вызов Абрамовича и изучили вопрос с разных точек зрения при помощи разных методов. К своему удивлению, все пришли к тому же результату: осталась необъяснимая погрешность в размере примерно 85%. В Соединенных Штатах это привело к появлению долгосрочного проекта бухгалтерии роста: попытки разбить эту погрешность на части и объяснить ее разными факторами, такими как образование, научные исследования, технологический прогресс. Что же, получается, что в течение длительного периода экономическая наука существовала сама по себе, а практика – сама по себе? Получается, что именно так. В результате, когда экономисты попытались проверить соответствие реальных процессов теории, оказалось, что теория ничего тут не может объяснить. Да что же тогда вообще происходит в экономической науке?

Райнерт утверждает, что экономические взгляды, господствующие сегодня, восходят еще к Адаму Смиту, чьи воззрения он рассматривает как примитивные. Во время первой индустриальной революции Адам Смит, бывший среди прочего таможенным чиновником, в своей книге «Богатство народов» описывал мировую экономику как коммерческое общество, занятое больше покупкой и продажей, чем производством. В 1817 году примеру Смита последовал Рикардо. Он разработал еще более абстрактную теорию, в которой мерилom ценности был «труд» – понятие, лишенное каких-либо качеств. Немного позднее Карл Маркс, продолжая немецкую традицию ставить производство в центр общественных наук, писал о развитии капитализма и о проблемах, которые он порождает в обществе.

Отсюда растут корни современных воззрений в экономической теории и здесь заложена питательная почва для конфликта между разными взглядами на экономику. Согласно теории Тюрго и Смита, появившейся в годы первой индустриальной революции, история развития человечества делится на 5 стадий: охотники и собиратели, пастухи одомашненных животных, крестьяне и, наконец, торговцы. С конца XVIII века классические экономисты-англичане занимались анализом именно последней стадии эволюции, торговли (в частности, анализом предложения, спроса и цен), но только не производства.

Однако в XIX веке немецкие и американские экономисты решили, что стадии развития надо понимать совсем по-другому. Они считали, что раз все прежние стадии развития основывались на способе производства продуктов, то будет грубейшей ошибкой классифицировать следующую стадию по какому-то иному признаку. Это разногласие в XIX веке переросло в конфликт, в который вступили экономическая практика Германии и Америки с экономической теорией Англии. Английские экономисты считали, что последняя стадия развития человечества – это век торговли. Немцы же и американцы называли эту стадию веком промышленности.

Именно здесь лежит ключевое различие между наукой из стандартного учебника по экономике, наследницей века торговли Адама Смита, и экономической наукой, которую Райнерт называет Другим канонем. Если коротко, то он считает, что в основе экономического развития и экономического анализа должно лежать производство. На каком-то этапе так и было, но со временем победили другие взгляды, которые норвежец считает ошибочными. С тех пор как немецкая историческая традиция и американская институциональная школа сошли со сцены, взгляд на производство как на истинный источник богатства, так называемый индустриализм, начал исчезать.

Райнерт ссылается на мнение шведского экономиста - институционалиста Юхана Окермана, который пишет о том, как было утрачено понятие производства экономистами любой политической ориентации – правыми, левыми и центристами.

«Капитализм, право собственности, распределение доходов стали считаться основным содержанием индустриализма, а его неотъемлемые черты – технологический прогресс, механизация, массовое производство и их экономические и социальные последствия – были отодвинуты на второй план. Это произошло, вероятно, по трем причинам.

Во-первых, экономическая наука Рикардо стала теорией «естественных» отношений, установленных раз и навсегда между экономическими понятиями (цена, прибыль, капитал и т. д.).

Во-вторых, сыграли свою роль периодические экономические кризисы, потому что непосредственные причины кризисов можно было найти в денежной сфере. Технологический прогресс, первоисточник роста и преобразования общества, потерялся за теоретическими связями между денежной политикой и экономическими колебаниями».

Короче, политики любой направленности перестали считать производство основой экономической деятельности человека. Проще говоря, сейчас в основу любого экономического анализа положен торговый оборот, в то время как реальное производство находится в тени. Такой подход не дает возможности оценить реальную степень развития экономики той или иной страны, вводит в заблуждение и не позволяет разработать реальную экономическую политику.

Райнерт пишет: «Первый труд Адама Смита был посвящен астрономии. Метафора Смита и его последователей по сей день остается влиятельной в современной экономической науке: так же, как планеты удерживает на орбите вокруг Солнца невидимая рука, она же автоматически поможет рыночной экономике найти равновесие, если только не мешать ей. Грань между верой в невидимую руку рынка и верой в судьбу и провидение, как мы видим, весьма тонка. Более того, нам известно, что Адам Смит верил, что земля должна распределяться среди людей по воле скорее провидения, чем общества. Он был уверен, что и тут невидимая рука придет на помощь беднякам».

Проще говоря, Райнерт указывает, что взгляды Адама Смита были механистическими и унаследованы от него современной западной теорией. То есть Смит исповедовал взгляды механицизма. Что же такое механицизм? Это определенный тип научных взглядов (парадигма, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе). Как научное мировоззрение, механицизм связан с успехами классической механики XVII–XVIII веков (Галилей, Ньютон и др.). В этот период классическая механика выработала специфические представления о материи, движении, пространстве и времени,

причинности и т. д. Эти воззрения стали на определенном этапе развития науки господствующими и далеко продвинули ее.

Согласно механистическому подходу, любой объект сводится к его исходным элементам, и из различных комбинаций этих исходных элементов выводятся все свойства сложных объектов. Однако бурный прогресс естествознания XIX–XX веков разрушил механистическую картину реальности и потребовал создания новой, более совершенной методологии познания окружающей действительности.

В XX веке обнаружилась неудовлетворительность механицизма, как научной методологии, и в повестку дня встала необходимость развития новых принципов познания, ориентирующихся на целостность и принципиальную сложность исследуемых объектов. Именно эти обстоятельства и привели к созданию системного подхода и общей теории систем. И именно механистический (давно устаревший) подход в понимании наших экономических проблем фактически взяли на вооружение современные экономисты.

(Продолжение следует).